УДК 11 853

ИЗ БЛОКАДНОЙ КОЛЛЕКЦИИ Педагогического музея Санкт-Петербургской академии постдипломного образования

(Материалы подготовлены директором музея
Людмилой Владимировной Дербиловой)

- ***дети и учителя блокадного Ленинграда***
- ***блокадная педагогика***
- ***мультимедийный образовательный проект***
- ***музейно-педагогические технологии***

Представленная подборка блокадных документов[1] из фондов Педагогического музея Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования[2] дает возможность непосредственно прикоснуться к самому сокровенному — услышать голоса детей — дошкольников и школьников, переживших на тот момент ужасы блокады Ленинграда. Рядом с ними были воспитатели и школьные учителя, которые делали и сделали все, чтобы сохранить ленинградским детям не только Жизнь, но и Душу.

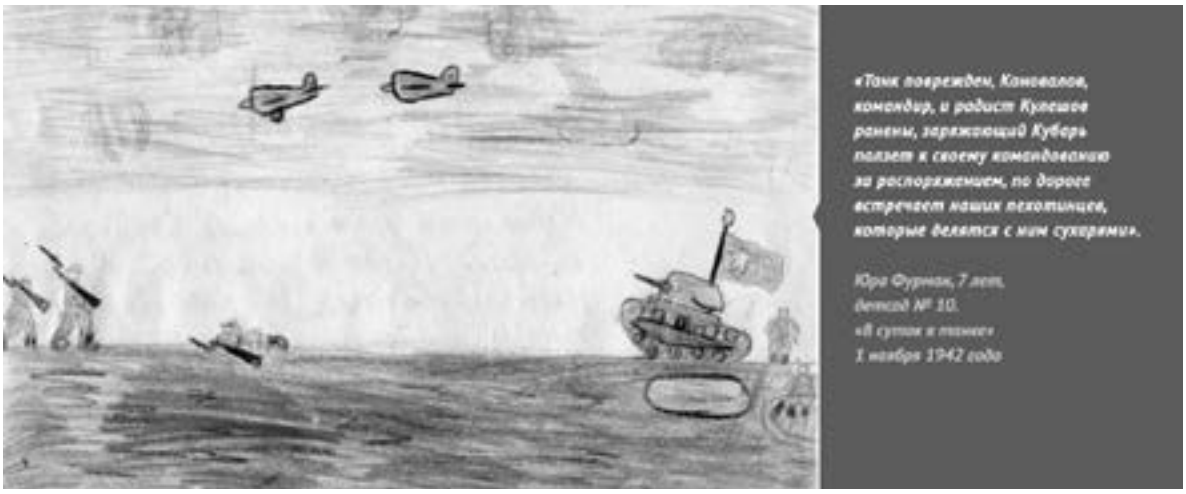
Блокада в детских рисунках и высказываниях

Эти блокадные рисунки дошкольников публикуются впервые. Они были собраны и сохранены для нас удивительной женщиной — Елизаветой Леонидовной Щукиной[3], которая в годы блокады работала старшим инспектором по дошкольному воспитанию Куйбышевского

[1] Блокадная коллекция Педагогического музея включает в себя уникальное собрание документов, раскрывающих подвиг работников системы народного образования Ленинграда в военные годы. Основные разделы коллекции: детские сады в годы блокады, блокадные рисунки воспитанников детских садов, ленинградские школы в блокаду, Ленинградский городской институт усовершенствования учителей в годы блокады. Документы по системе дошкольного образования Ленинграда в годы войны были сохранены сотрудниками городского дошкольного методического кабинета, который в 1989 году как методический центр вошел в состав Ленинградского городского института усовершенствования учителей.

[2] Музей Санкт-Петербургской академии постдипломного образования является структурным подразделением академии и представляет собой музейно-педагогический комплекс, в состав которого входят: Педагогический, Биологический музеи, физический отдел и виртуальный музей физического оборудования. https://spbappo.ru/struktura/obshcheakademicheskiye-tsentry/muzey/
Музей является преемником традиций и наследником сохранившихся коллекций первого в мире педагогического музея — Педагогического музея военно-учебных заведений (Педагогического музея ГУ ВУЗ), созданного в 1864 году в Петербурге.

[3] Елизавета Леонидовна Щукина (1904-1973). В настоящее время рисунки из коллекции Е.Л. Щукиной находятся в фондах Государственного музея истории Санкт-Петербурга, народного музея «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда», Педагогического музея Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования. Небольшая часть рисунков была опубликована в альбоме «Рисуют дети блокады» .



РОНО города Ленинграда. Понимая важность блокадных детских рисунков для будущей истории, Елизавета Леонидовна начала собирать их с октября 1941 г. Всего было собрано более 1800 рисунков. Практически на каждом из них можно прочитать дату, возраст и комментарий ребенка, точно записанный с его слов блокадным воспитателем.

В нашем блокадном архиве хранятся записи высказываний детей о войне, сделанные воспитателями. Вот некоторые из них, датированные 1942—43 гг.

Ирочка К.: «*Папа обязательно убьет тревогу, а отбой останется*».

Каля Ш.: «*Наш город — крепость, его нельзя победить*».

Вова Л. : «*Фашисты даже птиц распугали. В Смольнинском садике снегири на дороге сидели, а теперь даже воробьев нет. Все птицы эвакуировались из Ленинграда, потому что здесь близко война*».

Галя Г.: «*Какой сладкий хлеб кажется*»
Боря: «*Это потому, то ты есть хочешь; вот как тебя фашисты оголодали*».

Леня Б.: «*Если бы жил еще Мичурин, он бы вырастил большущий мичуринский хлеб. Он яблоки выращивал, хлеб ведь проще*».

Руфа: «*Посмотрите, что осталось от нашего дома — один мусор*».

Блокада в воспоминаниях и стихах учителей и школьников

В.Г. Ананьева,
учитель 10-й школы Ленинграда

«Заметки о днях блокады» (фрагмент)

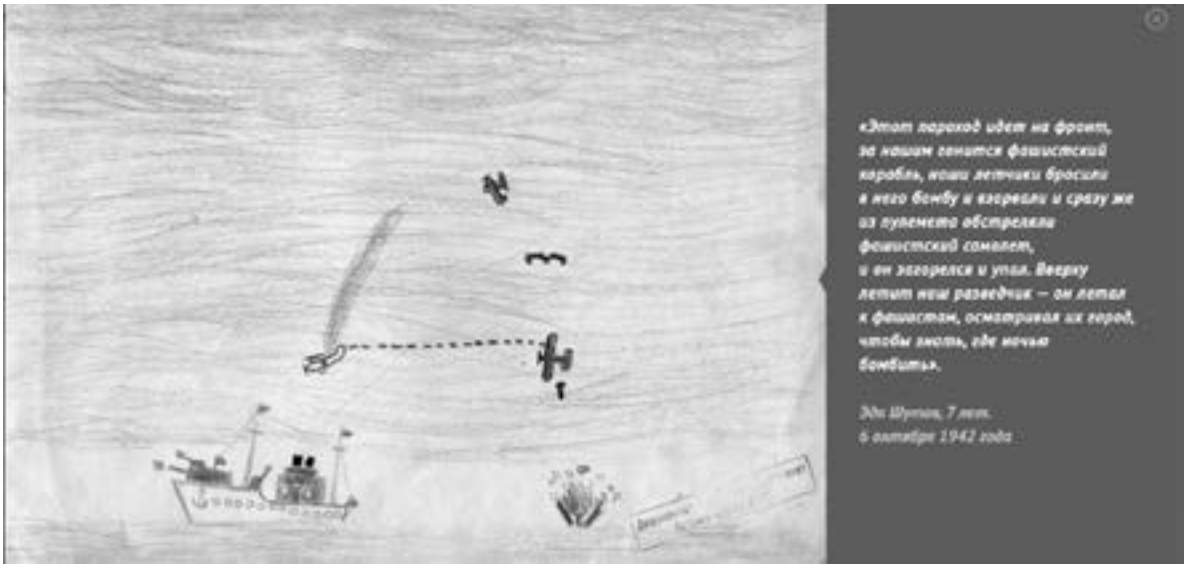
…«Будущее принадлежит им, этим неловким, вихрастым подросткам, этим худеньким девочкам. Пожалуй, ни одно поколение еще не имело перед собой с детских лет таких определенных гражданских целей впереди. Они — свидетели варварских, чудовищных разрушений, чинимых врагами человечества, они уже с детства знают, что на их поколение Родина возлагает серьезнейшую обязанность — восстановить разрушенное, создать новые очаги труда. Творчества и радостной жизни. Это — поистине поколение восстановителей, и мы можем гордиться тем, что нам доверили воспитание такой молодежи! Надо, обязательно надо, чтобы они сами заговорили о себе, о своей жизни, без посредника, без прикрас, без литературного вымысла, чтобы они нарисовали самое яркое, незабываемое, что никогда не сотрется в памяти, что легко выйдет из-под пера, что принадлежит истории. Так родился замысел создать сборник воспоминаний детей 6-го класса о каком-нибудь одном незабываемом для каждого из них дне Великой Отечественной войны»…

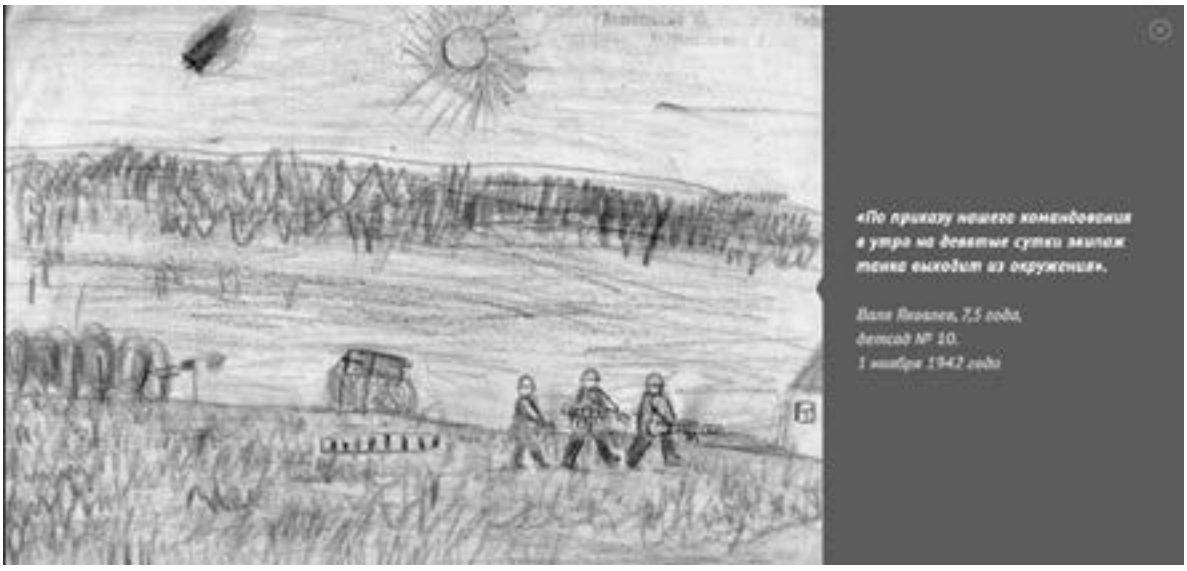
Из воспоминаний Миши Левина

«Яркий солнечный день. Мне показалось, будто все солнечные лучи направлены только на одного меня. В такие дни хочется петь и прокричать на весь мир: « Как хорошо жить!» В лагере происходило волейбольное соревнование. Игра становилась все интереснее и интереснее. И вдруг. В самый разгар игры. Как гром с ясного неба прозвучал голос пионервожатой: «Ребята! Сейчас передавали по радио, что объявлена война с немцами!» Пораженные, все как-то притихли. Застыли на миг. Это сообщение потрясло нас тогда, пожалуй, безотчетно. Имея за плечами тринадцать лет, я не мог иметь ясного представления о тяжелом грядущем, вызванном войной. Но вот оцепенение прошло. Не сговариваясь, поддавшись общему порыву, все сорвались с мест и столпились вокруг пионервожатой. Я отошел в сторону. Слезы душили меня; мне было стыдно за себя, и, желая их скрыть, я побежал в лес. Я, должно быть, долго бродил, потому что вдруг услышал звук фанфары, зовущей на вечернюю линейку. И вот я стою в строю. В момент спуска флага оркестр играет «Интернационал». Звуки его переполняют душу, они стали во стократ дороже. Это звуки свободы, чести, справедливости, гуманности. Уже ночь вступила в свои права. Я взглянул на небо. На нем по-прежнему сияли звезды. Ночь казалась такой же спокойной, как пять дней назад. Но это было не так. Это была первая ночь войны …»

Из воспоминаний Зои Сальковой

«Ночь. Я лежу одна в комнате, мама на работе. Радио включено и тикает громко-громко. Вдруг оно замолкает. Я настораживаюсь, и в тот же момент воздух оглашает вой сирены». Она быстро одевается, схватывает портфель со сменой белья: «Мало ли что может быть?» Привычная хозяйственность юной ленинградки в осенние месяцы 1941 года. Она сбегает по лестнице к соседке, «а то одной страшно». Теперь уже с соседкой она сбегает по лестнице вниз, где сгрудились все жильцы. «Мы прижимаемся друг к другу, не обращая внимания, знакомые это или нет… Вдруг раздается страшный свист. Я прижалась к какой-то женщине, закрыла глаза и жду, что будет дальше … Раздался странный треск и звон разбитого стекла. Мы еще теснее прижимаемся и ждем, когда на нас все свалится. Стоим, и ждем … Ничего не валится. Когда немного стихло, мы открыли глаза и смотрим на потолок. Ничего, цел, только штукатурка обсыпалась… В комнате следы разрушения. …Штора на окне разорвана, стекол нет, абажур от настольной лампы очутился на диване, сама лампа на полу. Кисель, который стоял на окне, опрокинут прямо на будильник. Потом я пожалела: зачем не съела киселя раньше. Утром мы стали с мамой убирать комнату, сняли кастрюлю с будильника, а он ходит, только на нем 4 часа, а сейчас 9!»





Из воспоминаний Зои Гущиной

«Суровая военная зима. В городе голод. Приходит мама с хлебом. Приносит 250 граммов на двоих, и это на целый день. Кажется, ни один магнит так сильно что-нибудь не притягивает, как хлеб — руку. Но подумаешь, что день еще впереди, и со вздохом оставляешь кусочек на вечер. Я беру кастрюли и направляюсь за водой. На площадке под ногами труп с раскинутыми руками. Сбегаю вниз, громыхая кастрюлями. На улице солнце, мороз. Прохожу мимо булочной. Распахнулась дверь, и оттуда пахнуло приятным, вкусным запахом хлеба. Кажется, нет ничего на свете отраднее этого запаха. На улице тихо. Ни трамваев, ни весело катающихся на коньках ребят. Пройдет женщина, везя на санках завернутого в простыню покойника. Люди идут, понурив голову, истощенные, худые. Я невольно закипаю злобой на немца. Кажется, так бы и разорвала его на части, затоптала ногами, чтоб и духу его не осталось. А солнышко пригревает лицо, оно как будто ласкает и говорит: «Ничего, крепись! Твоя воля сильнее немецкой блокады. Не будет вечно она существовать! Придет ей конец!» И под влиянием этой мысли я подбадриваюсь и уже веселее иду и думаю: «Нет, мы должны выжить, и мы выживем!»

Из воспоминаний Люси Ветровой

«Надо вам сказать, что я и папа были не только дочь и отец — мы были товарищами. Мама часто говорила, что мы оба, как рыба с водой. Если у тебя радость, то он, как ребенок, радовался моему детскому пустяковому счастью. Я гордилась таким отцом. Но вот от отца нет писем с фронта. Я знаю только, что его часть стоит в стороне Петергофа. Теперь я ходила из угла в угол, подавленная непоправимым горем, перечитывала по нескольку раз старые письма, по целым часам смотрела на его карточку. Каждый угол, каждая вещь напоминала мне его, папу, но я не плакала, я была уверена, что письма будут. Наконец, я дождалась письма от отца. Мне хотелось бегать, смеяться, кружиться, но ноги от счастья ослабли, я села на стул, прижимая к груди драгоценное письмо, и шептала: « Как я люблю тебя, папа, как люблю!» В эту минуту мне казалось, что я буду вечно счастлива, но нет, это было последнее письмо… Я еще не знала, что это было последнее письмо, которое я так ждала, так ждала!»

Орлова Люся,
8 класс, 33 школа

Ветер зло в окно стучится
В классе холодно до слёз
Мёрзнут руки в рукавицах,
Мёрзнут ноги, мёрзнет нос…

Так сидишь при тусклом свете,
Молча слушая урок.
И мечтают об обеде
Ученик и педагог.

Счёту времени не знаешь,
Утекает, как вода.
С благодарностью съедаешь
Суп холодный иногда…

Дома тоже дел хватает:
Нужно воду принести
И, хоть руки замерзают,
Постирать и подмести.

Только сядешь за уроки —
Через несколько минут
То обстрелы, то тревоги
От занятий оторвут…

Но ни холод, ни лишенья
Не сломили силы в нас,
Мы не бросили ученья
И зимой ходили в класс.

Не дремала и работа:
Оставались на часок,
Убирали нечистоты,
На чердак несли песок,

Свитры, варежки вязали,
Собирали лом цветной,
Всем, чем можно, помогали
Нашей Армии родной.

Клеопатра Ивановна Мешковская[4]
Челябинская обл.
Чебаркульский р-н, село Звягино

Подарок

Когда вырасту большой,
За себя в награду
Подарю Уралу я тонну шоколаду.
Не обидьтесь и примите,
За задержку извините,
Я вначале подрастал,
Шоколад потом послал.

1944 г.

[4] Клеопатра Ивановна Мешковская, воспитатель д/с №6 Смольнинского р-на Ленинграда. Окончила педагогический институт и институт иностранных языков. Владела немецким и французским языками. Писала стихи. Все её родственники погибли в блокадном Ленинграде, а дом был разрушен во время бомбежки. Материал для своих стихотворений Клеопатра Ивановна черпала в эвакуации из бесед с ленинградскими детьми.

Письмо

Мама,
Ты теперь не узнаешь меня:
Я большой и здоровый крепыш:
Я уж школьник, отличник притом,
А не прежний трёхлетний глупыш.
Помнишь, я на вокзале ревел?
А зачем, почему — сам не знал!
Это было давно. Папа шёл на войну,
Я с другими детьми уезжал.

Ты мне вытерла слёзы, конфетку дала,
Положила платочек в карман.
На руках у тебя сестра Нина была,
У меня был в руках барабан.

Позабыл я, как было потом…
Перед сном долго вас вспоминал:
Папу, Нину, тебя, кошку Мурку и дом.
И к себе прижимал барабан.

А теперь я привык и здесь дом полюбил,
Вырос, письма пишу тебе сам.
Не совсем, но чуть-чуть Ленинград позабыл,
Малышам подарил барабан.

Говорят, скоро едем домой…
Рады все… Только жалко зимы.
Мы катаемся, мама, с горы.
И зимой здесь все носят пимы.

Ещё степь мне уральскую жаль!
На ней много красивых цветов!
Перелёт журавлей и гусей я видал
И весной встречал первый скворцов!

Я жалею, что нет тебя летом со мной:
Как клубники тут, мамочка, много!
Здесь по ягоды ходят с ведром.
Малыши идут к ближнему логу;

Мы же ходим на вырубки старые в бор,
Там особенно ягоды сочны.
Я боялся в лесу, но быть трусом — позор!
И храбрился я, мама, нарочно!

А теперь не боюсь ни в степях, ни в лесу;
Столько гнёзд мы находим, яичек!
Раз видали косулю, встречали лису,
Узнавать научилися птичек!

В чистой речке купаемся два раза в день,
Загораем на жёлтом песочке.
Иногда отдыхать забираемся в тень,
Под берёзы в соседнем лесочке.

А по осени лес золотым станет весь,
И груздей в нём поспеет немало.
Если б ты была, мамочка, здесь,
Ты бы с нами грибы собирала!

У меня из уральских ребят
есть чудесные, мама, друзья.
Очень жаль, что с собой в Ленинград
Увезти мне их будет нельзя!

Возвращаются все по домам…
Я вернуться домой тоже рад.
Но как маму узнать среди мам,
И какой из себя Ленинград?

30.03.1945

Великая Отечественная война закончилась 75 лет назад. 76 лет прошло с момента полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады. Всё меньше остаётся в современном Санкт-Петербурге непосредственных свидетелей тех трагических лет. Но каждое новое соприкосновение с материалами блокадной повседневности не перестаёт поражать искренностью и глубиной переживаний маленьких и взрослых жителей нашего города, их единым стремлением выжить и победить…

НО